

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ИНФИНИТИВА В САНСКРИТЕ (В СОПОСТАВЛЕНИИ СО СТАРОСЛАВЯНСКИМ ЯЗЫКОМ): ЧАСТЬ II*

Аннотация. В данной статье представлена специфика употребления инфинитива в полупредикативных структурах индоевропейских языков различных типов. При обращении к старославянскому языку и к истории русского языка уславливаются особенности закрепления в языках «восточного» типа подобных конструкций, а также выясняются причины упразднения данного оборота в русском языке.

Ключевые слова: инфинитив в полупредикативных структурах, индоевропейские языки.

Вначале мы обратим внимание на ещё одну особенность санскритского инфинитива, которая существенно отличает его от инфинитивов в латыни и древнегреческом.

Употребление инфинитива в санскритском предложении предполагает обязательное совпадение субъекта инфинитива и основного глагола: *Pitā rīṅitām kanyām drastum gatavān* (Отец пришёл увидеть больную дочь). В данном предложении сочетается и целевая направленность инфинитива, и совпадает субъект двух действий: отец *пришёл* и отец *увидит*. Подобные конструкции употребляются в большинстве индоевропейских языков. Они не являются редкостью в латыни и древнегреческом, хотя в латыни вместо инфинитива мог быть употреблён супин.

С другой стороны, обычная для латыни и древнегреческого полупредикативная конструкция, где действия основного глагола и инфинитива относятся к разным субъектам, не является правильной для санскрита. Например, в древнегреческом и латыни возможны такие предложения: *No stratēgos ekeleue tous stratiōtas mē feidestai tōn polemiōn* (Стратег приказал, чтобы воины *не щадили* врагов – др.гр.); *Livius narrat Romulum urbem Romam condidisse* (Ливий рассказывает, что Ромул *основал* город Рим – лат.). В санскрите нельзя употреблять конструкцию: *Pabhuṅ bhṅtyam gantum ādīṣati* (Хозяин слуге (досл. *слугу*) *идти* приказывает). Невозможность употребления такой конструкции обусловлена несовпадением субъектов инфинитива и основного глагола: хозяин *приказывает*, слуга *пойдёт*. Вместо данного предложения правильной будет следующее: *Pabhuṅ bhṅtyam gamanāya ādīṣati*

(досл.: Хозяин слуге, чтобы он был идущий, приказывает). Рассмотрим состав предложения, аналогичного по смыслу конструкции с инфинитивом.

Вместо инфинитива *gantum* (идти) в конструкции употреблено причастие *gamanāya* (идущий), которое стоит в форме Дательного падежа единственного числа мужского/среднего рода. Оно не согласуется со словом *bhṅtyam* (слугу), стоящим в Винительном падеже и представляющим объект главного глагола. Поэтому нельзя говорить, что перед нами полупредикативная конструкция: отсутствует согласование между компонентами грамматической основы. Это обстоятельство объясняется тем, что в санскрите объектное управление главного глагола является первостепенным, а остальные отношения в предложении, как правило, отходят на второй план. Дательный падеж причастия при этом обозначает цель действия и раскрывает содержание приказа.

Рассмотрим ещё один пример. В санскрите вместо предложения с инфинитивом: *Mahmat rātum kiñcit jalam dehi* (Дай мне *пить* немного воды), где субъекты действий не совпадают, должна быть употреблена конструкция: *Mahmat raṅnaṅya kiñcit jalam dehi* (Дай немного воды, чтобы я *пил* (досл.) *Дай* мне *пьющему* немного воды). Вместо инфинитива следует употребить причастие, которое на этот раз согласуется с косвенным субъектом в Дательном падеже. Следовательно, при отсутствии объектного управления главного глагола возможна полупредикативная конструкция *Дательный с причастием* (*Dativus cum participio*), как правило, сохраняющая целевое значение.

Таким образом, можно заключить, что из-за особенностей грамматической системы в санскрите не могли образоваться обороты, аналогичные языкам «западного» типа: *Accusativus/Nominativus cum infinitivo*. Это объясняется тем, что форма инфинитива в санскрите больше тяготела к Дательному падежу, а в латыни и древнегреческом – к Винительному/Именительному. Следовательно, обороты с инфинитивом, где он согласовывался со статичными падежами логического подлежащего, не были возможны. Однако возникает вопрос: почему в санскрите не

* © Балута А.А.

существовало полупредикативных конструкций *Дательный с инфинитивом*, характерных, например, для русского языка: *Я приказываю тебе это сделать*. Одним из условий формирования в русском языке подобных оборотов также является глагольное управление. В русском языке глаголы со значением «приказывать», от которых зависят подобные конструкции, обычно требуют Дательного падежа, а в санскрите подобные глаголы управляли Винительным падежом. Кроме того, глаголы со значением «приказывать», как правило, предполагают несовпадение субъектов действий: один отдаёт приказ, другой его исполняет. Это и объясняет невозможность возникновения конструкций, аналогичных русским *Дательный с инфинитивом* в рамках санскритской грамматики. Необходимо помнить, что инфинитив в санскрите имел только одну форму, а, следовательно, не мог полноценно представлять в полупредикативных оборотах всю временную парадигму. Однако, как мы показали выше, были возможны обороты *Дательный с причастием*, где причастие санскрита обнаруживало большую, чем инфинитив, синтаксическую гибкость.

Следует также отметить, что полупредикативный оборот, где предикативная основа стояла в Винительном падеже, в санскрите существовал. Если нельзя было употребить фразу с инфинитивом: *Pitā kanyam gātum śrutavān* (Отец слышит, как дочь *поёт*), то вместо этого составлялась конструкция: *Pitā kanyam gāyantīm śrutavān* (Отец слышит, как дочь *поёт*. (досл.) Отец слышит *поющую дочь*). В данном предложении объект в Винительном падеже (дочь) согласуется по форме с определяющим его причастием. Такая конструкция может рассматриваться как полупредикативная и соответствует греческой *Accusativus cum participio* (*Винительный с причастием*).

Подобные обороты были довольно хорошо распространены в санскрите. Они входят и в грамматическую систему русского языка, если принимать во внимание некоторые ограничения семантики управляющего глагола. В русском языке глаголы со значением «речи и мысли» (например, *говорить*, *думать* и др.) по причине особенностей управления не выступают в качестве главного слова при конструкции *Винительный с причастием*, в то время как в санскрите вполне обычно предложение: *Aham na vadiśyāmi nāpāya tāt tvam vadiśyantam* (Я не скажу царю, что я тебя увижу (досл.) Я не скажу царю *обо мне тебя видящем*).

Наличие в санскрите полупредикативных причастных оборотов и отсутствие аналогичных конструкций с инфинитивом ещё раз доказыва-

ет, что причастие в этом языке обладало большей синтаксической гибкостью. Инфинитив же на известном нам этапе развития языка «застыл» в одной падежной форме (предположительно, в Дательном падеже) и из-за особенностей своей валентности не мог входить в состав полупредикативных конструкций.

Вызывает интерес и то обстоятельство, что в современном русском языке также отсутствуют обороты *Винительный с инфинитивом*, аналогичные языкам «западного» типа *Accusativus cum infinitivo*, которые существовали в старославянском языке и, вероятно, являлись кальками с греческого. Обращаясь к истории русского языка, мы постараемся установить невозможность закрепления в языках «восточного» типа подобных конструкций, а также выяснить причины упразднения данного оборота в русском языке.

В старославянском языке инфинитив, по мнению А.М. Камчатнова, является протославянским новообразованием. «Некогда он представлял собой имя, образованное от глагольной основы, которую теперь называют инфинитивной, при помощи суффикса **tei*; это имя склонялось по типу основ на *-*i*. Впоследствии, ещё в дописьменную эпоху, оно утратило изменение, так как из всех падежных форм осталась в употреблении одна форма дательного падежа (поэтому можно сказать, что по происхождению инфинитив – это застывшая форма дательного падежа)» [3, 94]. Закрепление за инфинитивом формы дательного падежа А.М. Камчатнов объясняет исключительным употреблением инфинитива в позиции косвенного дополнения при глаголе или существительном в форме дательного падежа: *мне подобаешь делати дела посълавъшааго мя* [3, 94].

Наряду с инфинитивом в старославянском языке употреблялся *супин* – глагольное имя, которое принято считать наследием индоевропейского праязыка, образованное от глагольной основы посредством суффикса **t* [3, 94]. Его признают застывшей формой Винительного падежа, сопоставляя с латинским супином на *-tum*, и ограничивают сферу его употребления позицией прямого дополнения при глаголах движения с целевой направленностью *чесо видеть изидете* [4, 194]. Однако, как и в латинском языке, супин регулярно употреблялся только в древнейших памятниках. Большинство славянских диалектов утратило его в различные эпохи: «сербский язык – ещё до появления древних памятников, чешский – только к XVI в. В настоящее время, помимо изолированных следов в чешском языке, супин сохранился лишь в словенском и нижнелужиц-

ком языках» [4, 195].

Старославянский супин после выхода из сферы употребления был, как и в латинском языке, успешно заменён инфинитивом, получившим дополнительные функции. Однако у старославянского инфинитива, в отличие от латинского, не сформировалась полная временная и залоговая парадигма. Со временем он приобрёл лишь значение возвратности и, в определённых синтаксических условиях, страдательного залога путём присоединения частицы *ся*.

Если провести сопоставление данных об инфинитиве и супине в санскрите, древнегреческом, латинском и старославянском языках, то можно предположить, что инфинитив и супин являлись падежными формами одного древнего глагольного имени. Парадигма склонения этого имени пока не определена, однако устанавливается, что оно было образовано от «чистого» глагольного корня с помощью форманта **t*, в Именительном/Винительном падежах оканчивалось на **it* и, вероятно, принадлежало к типу склонения на **i*. По косвенным показателям это имя было среднего или общего рода, хотя не исключается также дифференциация по родам. Имеются данные об Именительном, Винительном (латынь, древнегреческий), Дательном (старославянский, санскрит) и Отложительном (латынь) падежах этого имени, которое было, в основном, приглагольным. В зависимости от особенностей глагольного управления в каждой языковой системе это имя сохранилось в определённых падежных формах, которые теперь принято называть *инфинитив* и *супин*.

Со временем древнее глагольное имя адаптировалось к грамматической системе каждого языка, претерпело ряд фонетических изменений и утратило все падежные формы, кроме одной. Обычно оставшуюся форму представляет *инфинитив*. Это древнее глагольное имя по своим характеристикам было субстантивным. Если в языке развивалась обширная система причастий и других адъективных глагольных имён, инфинитив постепенно утрачивал свои именные признаки и развивал глагольные. Если развитие системы причастий консервировалось лишь на нескольких формах, инфинитив сохранял именные признаки и участвовал в формировании полупредикативных оборотов. С интенсификацией развития гипотаксиса инфинитив всё больше уступал свои позиции многообразию спрягаемых глагольных форм и уходил в разряд дополнительных средств. В некоторых языках (например, греческий) он, подобно супину, обнаруживает тенденцию к исчезновению.

Что же касается роли инфинитива в формировании полупредикативных оборотов старославянского языка, то здесь следует учитывать два основных фактора: валентность инфинитива и наличие в языке обширной системы причастий. Инфинитив в старославянском языке, как было сказано выше, представлял собой «застывшую» форму Дательного падежа, соответственно, он мог согласовываться только с именами в Дательном падеже и употребляться в роли косвенного, а не прямого объекта. Большинство глаголов, управляющих полупредикативными изъяснительно-объектными конструкциями (= *Accusativus/Nominativus cum infinitivo/participio*), требуют в индоевропейских языках Винительного падежа прямого объекта, за исключением глаголов со значением «велеть», «приказывать». Следовательно, в старославянском языке могли образоваться только инфинитивные обороты от этих глаголов *Дательный с инфинитивом* и только в плане настоящего времени. А обороты *Винительный/Именительный с инфинитивом*, заимствованные при переводе греческих источников, со временем вышли из употребления.

В старославянском языке, как в санскрите и древнегреческом, существовала довольно развитая система причастных форм: причастие на *-л*, обладающее в большей степени глагольными, чем именными функциями; причастия всех трёх родов действительного и страдательного залогов настоящего и будущего времени [2, 102]. Поэтому для перевода греческих полупредикативных оборотов после глаголов «речи и мысли» в качестве «логического сказуемого» вместо инфинитива могло быть употреблено причастие: *кого глаголетъ мя чловеци суита*. Однако широко употребительные в старославянском языке действительные причастия и причастные обороты были рано утрачены в народных языках [1, 397].

Следует принимать во внимание, что в древнегреческом языке инфинитив настолько адаптировался к грамматике языка, что система инфинитивов была почти так же развита в морфологическом и синтаксическом плане, как и система причастий. (Вероятно, это отчасти объясняется первичным закреплением в языке Именительного/Винительного падежей инфинитива, более гибких в объектных отношениях, чем Дательный.) Поэтому в древнегреческом полупредикативные изъяснительно-объектные инфинитивные обороты соперничали с причастными и были вытеснены гораздо позже. В санскрите и старославянском инфинитив, закрепивший форму Дательного падежа, обладал меньшей синтаксической гибкостью. То, что невозможно было передать с

помощью инфинитивных конструкций, выражали разнообразные причастные обороты.

Однако старославянский инфинитив при сопоставлении с инфинитивом санскрита обнаруживает больше способности к сочетаемости с другими членами предложения. Он мог иметь и субъектное, и объектное употребление; и в старославянских предложениях с инфинитивом не было обязательным совпадение субъектов инфинитива и основного глагола. Со временем, в истории русского языка инфинитив после приобретения новых глагольных признаков укрепил свои синтаксические позиции и занял определённое место в грамматической системе языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Вайан А. Руководство по старославянскому языку. – М., 2004.
2. Горшков А.И. Старославянский язык. – М., 2002.

3. Камчатнов А.М. Старославянский язык. – М., 2001.

4. Мейе А. Общеславянский язык. 2-е изд. – М., 2000.

A. Baluta

PECULIARITIES OF THE USE OF THE INFINITIVE IN SANSKRIT (COMPARED WITH THE OLD SLAVONIC LANGUAGE): PART II

Abstract. In this paper we present a specific use of the infinitive in the structures of the transitional type of Indo-European languages of various types. When accessing the Old Slavonic language and the history of the Russian language are established features of consolidation in the languages of the “Eastern” type of such structures, as well as establishing the cause of the abolition of the turnover in the Russian language.

Key words: infinitive in the structures of the transitional type, Indo-European languages.

УДК 81' 373.49: 336

Калугина Ю.Е.

КОНЦЕПТОСФЕРА «ЭКОНОМИКА» В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ*

Аннотация. В работе рассматриваются особенности структуры концептосферы «ЭКОНОМИКА» и средства ее реализации в английском и русском языках.

Ключевые слова: концептосфера, концепт, экономика, метафора, эвфемизм.

В настоящее время общепризнанным является тот факт, что экономическая область знаний играет немаловажную роль в жизни человека, поэтому и рассматривать ее необходимо во взаимосвязи с деятельностью и мышлением человека, то есть с позиций когнитивной лингвистики.

Учитывая динамичное развитие и распространение экономических знаний, которое выражается в лавинообразном пополнении языка экономики новыми терминологическими единицами, появляется необходимость в дальнейших исследованиях концептосферы «ЭКОНОМИКА» и средств ее объективизации на современном этапе.

Возросший интерес лингвистов к когнитивному анализу интенсивно развивающегося языка экономики подтверждается наличием ряда работ, посвященных этому вопросу. Так, Е.Ф. Ковлакас, рассматривая концептосферу экономи-

ки, выделяет 14 тематических групп и делает вывод о том, что «язык – факт культуры и отражение экономической действительности. Когнитивное, или понятийно-концептуальное представление экономики как сферы науки и языка экономики, предполагает, что существующая терминосистема экономики по своему составу комплексна, она включает различные группы. Так, например, в языке экономики, также существует целая система концептов, или концептосфера, актуализаторами которой можно считать лексико-тематические группы терминов экономики» [Ковлакас 2003, 129].

В работе О.А. Зябловой представлена фреймовая структура экономической области знания, которая отличается предметной разветвленностью и «предстает в виде достаточно сложной стратификационной модели, распадающейся на две неравнозначные по объему части: специальный экономический язык (LSP) и язык непрофессиональной практической экономики. Обе эти подсистемы подвержены внутренней дифференциации, но при этом каждая из выделенных страт не функционирует изолированно» [Зяблова 2005, 103-104]. В работе выделяются IV страты, которые автор именуется «подъязыками экономики» (I. Подъязык теоретических экономических наук;

* © Калугина Ю.Е.